

ГЛАВА 1

С темницами Хаджар был знаком хорошо. Почти также, как и с тьмой. Быть может потому, что обычно эти двое были неразлучны. Увы, при знакомстве с «новой» тьмой логичным продолжением стало знакомство и с новой темницей.

Хаджар просыпался на самых разных постелях. В том числе, спасибо бедуинам, состоящих полностью из обнаженных, готовых на все женских тел. Просыпался на жестких циновках и камнях. Просыпался на голой земле. Просыпался в темницах, в пыточных, головой на плахе, в недрах пещеры с драконом и даже на постели деревенского охотника.

Но еще никогда Хаджар не приходил в себя, лежа на поверхности густой, тягучей жидкости. Почему же он воспринял это как «темницу»? Все просто — полностью обнаженный, он не мог пошевелить ни единым пальцем.

Субстанция облепила его так плотно, будто приклеила. А может, так оно и было на самом деле. Некто с дурным чувством юмора опустил его в ванну из дурно пахнущего клея.

— Азрея, — позвал Хаджар.

Глаза постепенно привыкали к тьме. Учитывая невозможность повернуть голову, Хаджар получил от способ-

ности вновь видеть не так уж и много. Он увидел далекий свод, освещенный зеленым светом, бьющим из трещин. Судя по эху, зал, в котором он оказался, был велик.

— Они попытались опустить ее в такую же смесь, — прозвучал знакомый голос. Судя по звуку, Эйнен лежал где-то рядом. — Но твоя кошка та еще... заноза. Укусила, расцарапала лицо и скрылась.

— Азрея, — повторил Хаджар, но уже совсем другим тоном.

Почему-то он не сомневался, что его пушистая четверолапая подопечная и здесь будет чувствовать себя в безопасности и сможет даже...

— Это было три недели назад.

Ровный поток мыслей резко прервался. Три недели назад? Но ему казалось, что лишь вчера их обнаружили у входа в подземный город. С другой стороны... как-то он позабыл, что находится не в санатории, а в темнице. Об этом говорило все. Начиная от невозможности пошевелиться до знакомой, депрессивной атмосферы.

В общем, как рыбак издалека видит другого рыбака, так же и Хаджар с первого взгляда мог узнать казематы.

— И это с того момента, когда очнулся я, — заметил Эйнен.

— Вряд ли они возились с Азреей слишком долго, — образил Хаджар. — Скорее всего, ты очнулся почти сразу.

— Согласен.

В пещере повисла тишина, нарушаемая лишь хлопками крыльев летучих мышей. Спрятанные в полумраке, они наверняка пристально следили за двумя обездвиженными, но нападать не спешили.

— Что произошло за это время? — спросил Хаджар.

На личном опыте он знал, что меньше всего в темнице нужна тишина. Да, возможно, зачастую ты только

ее и ищешь. Но на деле лучше избегать. Стоит говорить с любимым, кто готов выслушать. Даже если это крыса. Или того «лучше» — труп крысы.

— Пугающе ничего. — Эйнен, наверное, пожал плечами. Хотя островитянин редко когда подкреплял слова жестами. — Пару раз пришел некто, похожий на лекаря. Скажу тебе честно, Северянин, на тот момент я завидовал, что не лежу без сознания, как и ты.

— Такой красавец?

— Такая боль.

Хаджар хмыкнул и вновь посмотрел на свод. Совсем не так он представлял себе первое посещение подземного города. Нет, фанфар и ковровой дорожки он не ждал, но и в каземате себя не видел.

— У тебя уже готов план побега?

— Даже несколько, — ответил Эйнен и, будто специально дождавшись облегченного вздоха сокамерника, добавил: — Но для каждого из них мне нужен хотя бы один двигающийся палец.

Хаджар грязно выругался. Следующие несколько часов он провел в мозговом штурме нынешней ситуации. Отчаявшись, даже обратился к нейросети, чтобы увидеть следующее сообщение:

[Вычислительный модуль находится в состоянии перезагрузки. Приблизительное время ожидания — 3 года 4 месяца 12 дней 16 часов 57 минут 45 секунд... 44...43...]

В общем и целом ничего воодушевляющего.

— А если...

— Уже думал над этим.

— А может...

— И над этим тоже.

— Хотя...

— Вообще не реалистично.

— Ну я хотя бы стараюсь! — возмутился Хаджар.

— Северянин, я здесь уже третью неделю с летучими мышами в шахматы играю. И знаешь, что меня пугает — иногда я проигрываю! Поэтому, что бы ты ни предложил, все это я уже обдумал несколько раз.

Иногда Хаджар не понимал, шутит Эйнен или нет. В данном случае он лишь надеялся, что в стрессовой ситуации в островитянине проснулся юмор. На исходе шестого часа пребывания в сознании Хаджар понял — нет, не шутит.

Он тоже проиграл в шахматы летучей мыши. Наглая зараза продолжала светить своими алыми глазами-бусинками, внушая легкий трепет и немалое количество зависти.

На десятый час Эйнен и Хаджар разругались в пух и прах, обвиняя друг друга в нынешнем незавидном своем положении. Они даже пытались переползти в чужую «ванну-камеру», но клей крепко держал их на месте.

Потом потянулись дни, лениво сменяя предыдущие с неспешностью степенно пасущегося буйвола. Все реже и реже Эйнен и Хаджар беседовали о чем-то. Все чаще молча предавались глубоким медитациям.

Клей обладал не только обездвиживающим свойством, но и какой-то странной способностью впитывать энергию. Стоило только попытаться освободиться с ее помощью, как субстанция начинала светиться и сила буквально вытекала из тела и ядра практикующих.

Жуткая темница. Намного более страшная, нежели та, где Хаджару приходилось носить рабский ошейник с отравленным шипом.

— Хаджар, — произнес Эйнен.

Не то чтобы спустя еще две недели ему хотелось общаться, просто губы и язык — единственные мускулы, которыми они могли пользоваться. Тут хочешь не хочешь, а начнешь диалог.

— Все еще здесь и никуда не ушел, — попытался пошутить Хаджар.

За это время их ни разу никто не навестил. Даже та рыжая, явно питавшая не самые светлые чувства к Хаджару — и она игнорировала их присутствие. Что удивительно, еды им не требовалось. Видимо, перерабатывая энергию, клей каким-то странным образом подпитывал своих пленников.

Во всяком случае, Хаджару хотелось верить, что перерабатывал он именно ее, а не непонятно откуда берущиеся в кишечнике экскременты...

— Что ты такого съел, когда на нас напал дракон?

Хаджар ждал этого вопроса. Удивительно, что Эйнен решил его задать только сейчас. Спустя едва ли не полтора месяца их заточения... Ну ладно, в первые три недели островитянин не дождался бы вразумительного ответа.

Некоторое время Хаджар размышлял, ответить ему честно или нет. После Неро Эйнен стал первым, кого он бы с большой натяжкой мог назвать другом. Они так же бились плечом к плечу, прикрывали друг другу спину, но что-то в их отношениях было иначе. Отсутствовала та искренняя безбашенность и готовность ринуться за товарищем хоть в бездну, хоть на плаху.

— Тело феи, — прозвучал наконец ответ.

После секундной тишины Эйнен спросил:

— Чего? Что еще за фея?

Теперь пришел черед Хаджара помолчать.

— В смысле — что еще за фея?

— В самом прямом, Северянин. Что такое фея? Тайный эликсир твоей королевской семьи? Мистическое снадобье? Артефакт?

— Если подумать, то это действительно тянет на шутку, Эйнен. Но, признаться, твоя прошлая, на тему говорящих летучих мышей, была получше.

Хаджар услышал бульканье. Такое уже было, когда они ругались и Эйнен пытался освободиться из оков клея, чтобы придушить варвара.

— Будь у меня возможность, я бы вызвал тебя на дуэль, — рычал островитянин, продолжая «булькать».

Хаджар скептически изогнул правую бровь. Увы, этот его жест оценила разве что пролетающая мимо летучая мышь.

— То есть ты действительно не знаешь, кто такие феи?

— Кто?! Я думал, это — что!

Хаджар фыркнул. Потом кашлянул. А затем громко рассмеялся. Смеялся он долго и заливисто. Так сильно, что заболел живот. После двух недель полной обездвиженности эта боль стала приятным разнообразием.

— Чего зубоскалишь, варвар неотесанный!

— погоди, — с отдышкой произнес Хаджар, — дай насладиться моментом.

— Каким еще, к Великой Черепахе, моментом?!

— Таким, когда я знаю чего-то, чего не знаешь ты. — И Хаджар снова засмеялся. Вздыхнул, шмыгнул носом и протянул нечто наподобие «Ха-а-а-а-а-ах». — Так вот что это за чувство, когда все вокруг кажутся тупыми.

— Тупым я тебя никогда не называл. Невежественным — да, но не тупым. Спрашиваю в последний раз, варвар, кто такие феи и откуда ты про них знаешь?

— Посланницы богов. — Будь у Хаджара возможность, он бы обязательно пожал плечами. — А знаю, потому что мама в детстве истории рассказывала. Я думал, всем детям про них рассказывают...

И вновь в ответ лишь тишина.

— Эй, лысый, не молчи...

Тишина.

— Эйнен!

— Успокойся, варвар, — устало прошептал Эйнен, — дай

мне переварить эту информацию. Не каждый день тебе рассказывают о доказательстве существования богов.

Увы, «переварить» островитянину ничего не дали. В зале слышались шаги, и впервые за все это время Хаджар увидел чью-то, помимо летучей мыши, морду.

ГЛАВА 2

— Неплохо выглядишь, чужак. — Над «ванной» наклонился тот самый пузан, заслонивший Хаджара от огненного заклинания рыжей ведьмы.

Теперь, когда Хаджар мог разглядеть его поближе, то увидел весьма прозаичную картину. Слегка обвисшие, заплывающие жиром щеки. Такие отнюдь не присущи даже самым слабым практикующим.

Во время тренировок, даже без учета медитаций, фигура приобретает пусть и не черты бога красоты, но вполне себе достойные. Только у тех, кто уже давно сошел с пути развития, мог появиться лишний жирок на боках. Ну или у тех, кому он требовался в рамках выбранного пути.

От пузана ничем из вышеперечисленного не веяло. Пусть Хаджар и не был даже истинным адептом, оставаясь на ступени трансформации, но, если постараться, мог почувствовать присутствие частички духа в другом человеке.

Так, в Эйнене он ощущал влияние духов посоха и копья. В себе — духа меча. Что же до пузана, то в нем не было ни посоха, ни копья, ни дротика, ни, демоны и боги, палки. Ничего из того, что было бы знакомо Хаджару.

Тем не менее пузан держал в руках боевой железный жезл с цветным камнем в навершии. Сила же от него ис-

ходила вовсе не начальных стадий развития, а вполне себе крепкого практикующего, стоящего на грани становления Небесным солдатом.

— Что вы хотите от нас? — спросил Хаджар, не прерывая зрительного контакта.

— Мы? — удивился пузан. — От вас? Видят Вечерние Звезды — ничего. Это вам, чужакам, понадобилось нарушить наш покой.

— Тем, что оказались у входа в ваш город? — подал голос Эйнен. — Если бы вы почаще высовывались из своей норы, то заметили бы, что мы появились из пространственного разлома.

Пузан повернулся в сторону соседней ванны, смерил Эйнена оценивающим взглядом и пожал плечами.

— Появились ли вы из разлома, прискакали на пустынных воронах, прилетели на летающем ковре или вас сюда бережно опустил Яшмовый Император — не имеет никакого значения. Чужакам вход в подземный город запрещен.

Хаджар мог поспорить с данным утверждением. Он знал как минимум одного такого «чужака», который проник сюда и, более того, стал учеником Мудреца.

— Южный Ветер, — произнес Хаджар. — Мой учитель Южный Ветер — он был учеником Мудреца. Его печать со мной.

— Южный Ветер, — повторил пузан, делая вид, что пытается кого-то вспомнить. — Южный Ветер... Южный Ветер... не помню никого с таким именем.

— Он сменил имя на Вечный Ручей, — не оставлял попыток Хаджар. — А еще на лидусский манер называл Море Песка Жаркой Долиной.

— Все еще ни о чем не говорит.

Пузан продолжал разглядывать ванну, порой проверяя что-то, понятное и очевидное только ему. Делал он это

весьма буднично. Простыми, отработанными движениями. Будто уже далеко не впервые занимался подобной работой.

— Тогда Сера. — Хаджар заметил, как невольно вздрогнул странный мужчина. Это внушало оптимизм. — Ведьма Сера. Она была женой моего брата. Не очень долго, правда, но все же! А мне — хорошим другом...

Хаджар не смог договорить. Пузан провел пальцами по жезлу, и в ту же секунду по животу Хаджара будто настоящий гигант ударил железным кулаком. Невидимым, тяжеленным воздушным кулаком.

Вместе с хрипом из глотки Хаджара вырвалась струйка крови. Стекая по уголкам губ, она растворялась в зеленой жидкости.

— Мы нашли ее амулет в твоих одеждах, чужак. — Голос незнакомца пропитался сталью и заledenел. — Серу многие здесь любили и уважали, так что не советую больше произносить ее имени.

— Но...

И еще один удар заставил Хаджара задержаться в рефлекторных попытках защититься. В этот момент он весьма отчетливо представлял себя на месте глупой мухи, запутавшейся в цепких паучьих сетях.

— Не знаю, как ты одолел одну из лучших учениц Мудреца, но твоя ложь будет очевидна всем, кто хоть немного был знаком с Серой.

Мужчина поднялся, повернулся к Эйнену и наградил его точно таким же невидимым воздушным ударом.

— Меня-то за что... — просипел островитянин, так же сплевывая кровью.

Проигнорировав стенания Эйнена, пузан повернулся к Хаджару.

— Сера никогда не любила... мужчин, — сказал он, — и многочисленные ее любовницы тому свидетельство.

И не знаю, какую судьбу ты себе выберешь, но не советую попадаться на глаза ее сестре. В то, что ты смог убить Серу, не верит никто из знавших ее, но Тилис это не остановит. Она поклялась, что отмстит за смерть сестры.

С этими словами мужчина развернулся и пошел куда-то в сторону, недоступную взору Хаджара. Внезапно вспышка памяти пронеслась в сознании, и на его поверхность всплыло имя.

— Рамухан! — окликнул Хаджар. Звук шагов стал тише, а потом и вовсе прервался. — Видят Вечерние Звезды, знает Великая Черепаха, слышат демоны и боги, я бы тоже этого хотел... отомстить за ее смерть. Вот только, увы, нет того смертного, жизнь которого можно было бы положить на ее погребальный костер.

Некоторое время в помещении висела гробовая тишина. Даже летучие мыши, до того весьма активно нарушавшие покой безмолвия, испуганно затихли.

— Расскажешь об этом Тилис, — слегка насмешливо ответил пузан и еще более насмешливо добавил: — Если доживешь.

Шаги вновь возобновились, а за ними и глухой стук каменной двери. Или, быть может, заслонки. Воображение Хаджара, разгулявшееся за время, проведенное в лицезрении неизменного потолка, и вовсе нарисовало откидной мост.

— А ты уверен, что у тебя был брат, а не сестра? — с явной болью в голосе спросил Эйнен.

— В брате я уверен, — хмыкнул Хаджар, — а вот в тебе — не особо.

— Удивлен, что тебя это интересует. Я слышал, на Севере все строго с мужеложцами. Говорят, они у вас не доживают и до сорока весен.

— Никогда этого не понимал но тем не менее за полгода ни разу не видел тебя обнаженным.

— Демонстрация наготы... — Лицо островитянина, судя по тону, наверное, перекошило, как от судороги. — Все же ты действительно варвар. На моей родине человека голым видят только его родители, пока он еще не может самостоятельно помыться. А затем либо жена, либо муж.

— У всех свои причуды...

Еще некоторое время они спорили на тему наготы и варварства отдельно взятых регионов. Хаджар никак не мог понять, что такого уникального островитяне обнаружили в наготе, а Эйнен, наоборот, давил на термин «срам».

Таким легким, пустым диалогом они пытались снять стресс и напряжение. Все же чем сильнее воин, тем труднее ему дается осознание собственного бессилия. А в данном случае это самое бессилие было щедро приправлено темнотой и темницей.

— Постой, Хаджар. — Голос Эйнена стал серьезным. Хотя островитянин вообще был скуден на эмоции, но Хаджар уже давно научился различать мелкие тонкости в его интонациях. — Что он имел в виду под «выберем судьбу»?

И в очередной раз, будто горожане только и ждали момента, чтобы эффектно появиться, в темноте зазвучали шаги.

ГЛАВА 3

Шаги все приближались и приближались. Судя по звуку, шагали шестеро, не менее. Нестройный хор густого эха обволакивал сознание и будоражил воображение.

— А ну не подходите, крысы подземные! — выкрикнул Эйнен. Его нервы сдали первыми.